

*Моим мальчикам, М. и К., —
порой они вдохновляют, порой
отвлекают, но делают и то и другое
очаровательно, — а также Грэму,
без которого многое было бы
невозможно.*

ГЛАВА 1

СЕРЬЕЗНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В декабре 1909 года Англия готовилась ко всеобщим выборам, в России гремели громовые раскаты надвигающейся революции, а мой отец, преподобный Иосия Питер Мартинс, упал лицом в миску баранины с луком, отдав Богу душу и оставив матушку, меня и моего младшего брата Джо на милость епископа Пэджета.

Матушка по душевному складу была из тех, кто остро реагирует на внешнюю сторону событий, в первые минуты упуская из виду долгосрочные последствия.

— Почему он не попросил убрать со стола, прежде чем это сделал? — возмутилась она, когда служанка прибежала с роковой вестью и отвела нас в столовую. — Знал же, что его найдут посреди обедков. Ох, Иосия...

Поскольку матушка крайне редко называла отца именем, данным ему при крещении, сразу стало ясно, что она потрясена и раздавлена.

— Он кажется таким умиротворенным... — деликатно сказала я. Отец и правда выглядел как человек, испытавший глубокое облегчение, будто он с радостью принял смерть, хоть та и застала его за скромной трапезой. Эта мысль помогла мне стерпеть ужасную, мучительную боль утраты.

— О, Эфимия, если бы только твой отец...

— Он ничего не мог поделать, — резонно заметила я.

Мать надменно вскинула бровь:

— Не перебивайте, юная леди, это неприлично. Я собиралась сказать: если бы только твой отец не стал викарием.

— Думаю, матушка, он принял решение вполне осознанно.

— Ничего не могу сказать, это было до меня. — Она помолчала и тряхнула головой. — Нет, сами мы не справимся. Придется написать твоему деду.

— Я буду только рада, если он предложит нам помощь, но вы пишете этому человеку

всю мою сознательную жизнь, матушка, а он ни разу не соизволил ответить.

— Не «этому человеку», Эфимия, а твоему родному дедушке.

— Он никогда не был мне настоящим дедушкой. — Я не хотела, чтобы эти слова прозвучали резко, но горе, лишившее меня сдержанности, распорядилось по-своему.

— Вся в отца, — буркнула мать и вышла из столовой.

В свои восемнадцать я, скромная девушка с густыми блестящими каштановыми волосами и умными серыми глазами, опасалась, что мне далеко до маминого идеала хорошей дочери и никогда к нему не приблизиться. Нас с ней разобщили долгие часы, проведенные мною в отцовском кабинете, где он старался передать мне все свои познания об окружающем мире, а еще учил аналитически мыслить и понимать то немногое о человеческой душе, что ему самому удалось постичь за время службы священником. Матушка же считала, что интеллект «нужен юной леди как пара копыт и примерно так же привлекателен». Однажды я позволила себе заметить, что копыта, да с подковами могли бы порой очень пригодиться для прогулок,

и мой отец вынужден был молча стоять в стороне, пока матушка отсылала меня спать без ужина.

Родители не были так уж близки, но без отца наше будущее в один миг сделалось опасно зыбким. На следующий же день после его смерти от епископа пришло известие о нашем выселении. Так что, пока матушка скорбела у себя в комнате и продолжала одностороннюю переписку с моим дедом, я, со своей стороны, развила бурную деятельность — взялась рассылать письма в разные поместья с просьбой нанять меня в услужение. Не знаю, откуда возникла эта идея — наверное, из самых глубин отчаяния. Но не могу не признать, что в тот момент определенную роль сыграл и дух романтизма, который мне так и не удалось истребить в себе, хотя я прекрасно видела, во что превратился брак моих родителей, заключенный по любви.

Разумеется, я приняла меры предосторожности, чтобы сохранить свою личность в тайне — попросила присылать ответы на адрес ближайшего почтового отделения и подписалась вымышленной фамилией. Служительнице

почты я сказала, что забираю письма для своей кузины, которая скоро к нам приедет. Такая вопиющая ложь стоила мне бессонных ночей, но я не сомневалась, что все пройдет гладко и обман не обнаружится. Тем не менее, когда после целого вороха резких отказов пришло нечто похожее на положительный ответ, у меня возникло желание пойти на попятную — ведь нужно было еще как-то рассказать обо всем матери...

Секрет мой раскрыл малыш Джо. Я сидела в спальне, размышляя, что из пожитков взять с собой в дорогу, когда у меня в руках будет приглашение на работу. Дверь вдруг распахнулась, и мой братец рыбкой нырнул под кровать.

— Прости, Эффи! — выпалил он оттуда. — Я не хотел тебя выдавать!

И немедленно из холла донесся голос матери:

— Эфимия Мартинс! А ну живо спускайся!

Я наклонилась и заглянула под кровать — братец тотчас метнулся в самый дальний угол с проворством паука, удирающего от веника.

— Джо, что ты натворил?

— Я не нарочно! Мама все говорила о том, как же нам дальше быть, и сказала, что от тебя

никакого толку, потому что ты сиднем сидишь у себя. Я подумал, это несправедливо, и выболтал твой грандиозный план.

— Грандиозный план?..

— Я прочитал одно из твоих писем. Помоему, это гениальная идея, Эффи. Так ты сможешь познакомиться с каким-нибудь богатеньким дворянином, он в тебя влюбится и подарит кучу всяких драгоценностей и еще большой дом. Ведь ты этого заслуживаешь, Эффи, больше всех в мире! Знаешь, для сестры ты очень даже симпатичная. Может, у тебя будет столько денег, что ты купишь мне тех деревянных солдатиков, которых папа обещал подарить на день рождения.

— О Джо! Когда же ты перестанешь совать нос в чужие... — Я не договорила, услышав скрип ступеней — мать в тяжелом траурном платье поднималась по лестнице. Она подошла к моей комнате и остановилась на пороге, мрачная и торжественная, чтобы произвести впечатление. Несмотря на четыре фута десять дюймов¹ роста, ей удавалось сделать свое при-

---

¹ Английский фут равен примерно 30 см, дюйм — 2,54 см.

сутствие заметным в любом обществе — это была ее врожденная способность.

— Эфимия, я не стерплю такого позора.

Она произнесла это так, что мой братец забился под кровать еще глубже.

— Нам нужно на что-то жить, матушка.

— Эфимия! Девушке твоих лет негоже рассуждать о подобных вещах, ты ничего в этом не понимаешь.

— Я понимаю, матушка, что нам не обойтись без еды. Особенно малышу Джо.

Матушка растерялась. В этот момент малыш Джо мне в помощь высунул из-под кровати ангельское личико, обрамленное белокурыми кудряшками, и мать с тяжким вздохом опустилась на тюфяк — будто сложился от безысходности гигантский черный бархатный веер.

— Я буду работать не под своей фамилией, — продолжила я. — И поскольку нам всем придется покинуть этот дом, я смогу помогать вам с выплатой ренты за новый и за обучение Джо.

— Нам нужно освободить дом викария в течение двух недель. — Мать встала и, напомнив моему братцу, что у него сейчас урок латыни, вышла из комнаты, не обернувшись. Она не ху-

же меня понимала, насколько безнадежно наше положение.

За следующую неделю я не получила ни одного письма от работодателей, мать ходила по дому с окаменевшим лицом, и даже малышу Джо, как он ни старался, не удавалось заставить ее улыбнуться ни фирменными ужимками, ни шутками. Сначала она без устали паковала вещи, затем взялась за дело, которым еще не приходилось заниматься ни одной достойной леди, — начала искать коттедж, сдающийся внаем. А я, со своей стороны, приняла окончательное решение и написала очередное письмо. Именно оно и определило мою дальнейшую судьбу.

Ранним, по-весеннему светлым утром мы с матушкой столкнулись в холле — у каждой были важные новости, и матушка, как всегда, заговорила первой:

— Я нашла коттедж, Эфимия. Это, конечно, не то, к чему мы привыкли, зато он маленький и чистенький, с птичьим двором и загончиком для двух свиней и козы. Козье молоко — самое питательное. Я заключила договор аренды на три месяца, мы переезжаем в следующий вторник. Кроме того, я навела справки в де-

ревне и уже обзавелась четырьмя учениками, которые желают освоить игру на фортепиано под моим руководством. Думаю, их еще прибавится, когда мы там обустроимся. Разумеется, образованием Джо пока продолжу заниматься я сама, но надеюсь, со временем мы найдем ему гувернера. Будь любезна, выбери в кабинете отца книги, которые вам с Джо могут понадобиться.

Я отлично понимала, чего ей стоила эта последняя просьба.

— А разве епископ Пэджет не запросил полную опись вещей?

Мать, как того требовали приличия, покраснела:

— Мы всё предоставим в надлежащем виде.

Я без зазрения совести обчистила бы «старого чудилу», как называл его отец, но меня удивило, что на это решилась матушка. Видимо, недоумение отразилось на моем лице, потому что она вздохнула:

— Ну в самом деле, Эфимия, обычно ты всегда готова нарушить любые правила!

Пришло время сказать ей главное. Но у меня почему-то не нашлось слов. Так что я просто отошла в сторону, чтобы стала видна сум-